

ОСОБЕННОСТИ РОДИТЕЛЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

БОРИСЕНКО Ю.В.

*Кемеровский государственный университет (ФГБОУ ВО КеМГУ),
г. Кемерово, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5218-2841>, e-mail: evseenkova@mail.ru

Актуальность изучения родительской идентичности обусловлена современным состоянием общества, а также значимым социальным запросом на изучение внутренних детерминант родительства, определение психолого-педагогического контекста, закономерностей и динамических трансформаций и разработку способов развития родительской идентичности личности. Работа направлена на исследование особенностей процессов становления родительской идентичности российских отцов и матерей, имеющих одного или более детей. Представлены материалы эмпирического исследования, полученные на выборке мужчин и женщин — русскоговорящих жителей России. В исследовании (N=721) приняли участие респонденты в возрасте от 25 до 56 лет (M=35,4; SD=2,66), из которых 44% составили представители женского пола. Использовались методики: опросник родительской идентичности Дж. Плека (ОРИ), тест статусов и структуры эго-идентичности. Е.Л. Солдатовой, Шкала измерения формирования идентичности (DIDS), Шкала определения стадии идентичности (ISRI), Шкала определения стадии родительской идентичности, Утрехтская шкала исследования процессов становления идентичности — Родительская идентичность (U-MICS-PI) (модификация К. Пиотровски) и тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева. Гипотезы: существуют различия в процессуальных и содержательных характеристиках родительской идентичности российских мужчин и женщин. Полученные результаты свидетельствуют о том, что у отцов сильнее выражены: чувство идентичности, провайдерская идентичность, чувство зрелости и такие процессы, как поиск «вширь» и «вглубь», пересмотр обязательств и идентификация с обязательствами, и менее, чем у женщин, выражены воспитательно-ухаживающая родительская идентичность, чувство родительской идентичности, чувство состоятельности как родителя, чувство реализованности как родителя и процессы принятия обязательств и навязчивого поиска. В факторной структуре родительской идентичности помимо двух общих для мужчин и женщин факторов, описывающих чувство идентичности и осмысленность жизни, у мужчин выделяются также факторы, характеризующие возрастные трансформации родительства, поиск и обязательства в отцовстве. Впервые были исследованы процессуальные характеристики родительской идентичности российских мужчин и женщин.

Ключевые слова: идентичность, родительская идентичность, родительская идентичность мужчины, родительская идентичность женщины, средняя зрелость.

Благодарности. Автор благодарит всех испытуемых, принявших участие в исследовании.

Для цитаты: Борисенко Ю.В. Особенности родительской идентичности российских мужчин и женщин // Экспериментальная психология. 2022. Том 15. № 3. С. 178—198. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150312>

THE PARENTAL IDENTITY PROCESSES AMONG RUSSIAN FATHERS AND MOTHERS

JULIA V. BORISENKO

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5218-2841>, e-mail: evseenkova@mail.ru

The relevance of the study of parental identity is determined by the current state of society, as well as a significant social demand for the study of internal determinants of parenthood, stuffing of the psychological and pedagogical context, patterns, dynamic transformations, and developing ways to develop the parental identity. We studied the specifics of parental identity processes among Russian fathers and mothers. We present the results of empirical study obtained on a sample of men and women who are Russian-speaking residents of Russia. The study involved respondents (N=721) aged 25 to 56 years (M=35,4; SD=2,66), of which 44% were female. We used Caregiving and Breadwinning Identity and Reflected Appraisal Inventory (J. Pleck and colleagues), test of statuses and structure of ego-identity (E.L. Soldatova), Dimensions of Identity Development Scale (DIDS) (K. Luyckx and colleagues), Identity Stage Resolution Index (ISRI) (J.E. Cote) and its modification for parental identity, the Utrecht scale for studying identity processes-Parent identity (U-MICS-PI) (modification by K. Piotrowski) and test of life-meaningful orientations (D.A. Leontiev). We hypothesized that there were some differences in the processes and content characteristics of the parental identity of Russian men and women. Fathers were found to appraise higher their identity, breadwinning identity, their maturity, and demonstrate higher scores for identity processes such as exploration in breadth and exploration in depth, reconsideration of commitment and identification with commitment; and lower scores for caregiving identity, parental identity and the processes of commitment making and ruminative exploration. In the factor structure of parental identity, in addition to two factors common to men and women that describe the sense of identity and meaningfulness of life, men also identify factors that characterize the age-related transformations of parenthood and the exploration and commitment for fathering. For the first time, we studied the processes of the parental identity of Russian men and women.

Keywords: identity, parental identity, male parental identity, female parental identity, middle adulthood.

Acknowledgements. The author expresses her gratitude to all participants of the research.

For citation: Borisenko J.V. The Parental Identity Processes among Russian Fathers and Mothers. *Ekspieriment'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2022. Vol. 15, no. 3, pp. 178–198. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150312> (In Russ.).

Введение

В современной психологической науке изучение родительства занимает особое положение. С одной стороны, существует оформившийся в последние десятилетия социальный заказ на изучение проблем семьи и семейного взаимодействия, связанный с изменением традиционных семейных установок в современном обществе, когда в условиях профессиональной и экономической эмансипации женщин, либерализации брачных отношений акцентируется внимание на роли, функциях и требованиях к родителям.

Распространенная практика разводов, внебрачных рождений и воспитания ребенка одним из родителей, снижение рождаемости и, как результат, уменьшение числа детей в семье и их более тесный порядок рождения, разделение родительства и супружества, выражающееся в широком распространении неполных (прежде всего материнских) семей и увели-

чении числа супружеских пар, отказывающихся иметь хотя бы одного ребенка, характерные для современного общества, обуславливают научный и общественный интерес к проблемам семьи и, в частности, родительства. Современные исследования родительства с точки зрения формирования внутренней позиции родителя (Е.И. Захарова [7]) или самосознания (Н.Н. Васягина [4]) определяют ракурс исследования внутренних детерминант родительства. Именно внутренние личностные составляющие родительства определяют принятие родительской роли, родительские стратегии и, в конечном итоге, успешность выполнения родительских функций.

Современный мир не предлагает человеку готовых решений, позиций в жизни и социуме, предоставляя свободу выбора своего пути, предъявляет значительные требования к самоопределению человека в жизни [6]. Постиндустриальная эпоха с ее постоянно меняющимися ориентирами [12], поликультурностью, полимодальностью векторов развития определяет возможности поливариантивности траекторий развития человека, при этом создавая определенную нагрузку на внутренние условия самоопределения личности [8]. Такое общественное устройство определяет исследовательский интерес к проблематике идентичности и самоидентичности субъекта, ее культурных детерминант [15], содержания [10], семантики [5] и процессуальных характеристик [23; 28]. Современные исследователи процессуальных характеристик идентичности подразделяют каждый из процессов становления идентичности: поиска идентичности и принятия обязательств на два отдельных, но взаимосвязанных процесса, отражая вариативность выбора одной из многих возможных альтернатив идентичности [25].

В этой связи интересна модель капитала идентичности Дж. Котэ (J. Côté). Разрешение кризиса идентичности, по мнению Дж. Котэ (J. Côté) [19], включает в себя интеграцию молодого человека в социум взрослых самодостаточных людей. Условиями этой интеграции являются, во-первых, развитие чувства взрослости, как в глазах окружающих, так и в собственных глазах — т.е. достижение взрослой идентичности [19], а во-вторых, развитое ощущение того, что человек нашел свое собственное место в обществе и референтную группу людей, с которыми он готов разделить свою жизнь (общинная идентичность) [19]. Оба этих условия согласуются с позициями Э. Эриксона, который рассматривает кризис идентичности в качестве пограничной точки между подростковым возрастом и взрослостью (переход во взрослость), и предполагает необходимость достижения субъектом ощущения того, что он нашел свое место в мире взрослых [22].

Чем больше ресурсов капитала идентичности накапливает индивид, тем раньше и успешнее он приступит к разрешению кризиса идентичности при поиске идентичности (идентичностном переходе) в какой-либо области жизнедеятельности [38]. Соответственно, и для родительской идентичности наличие ресурсов позволит легче перейти к родительству.

В модели формирования идентичности М. Берзонски (M. Berzonsky) [17] подчеркиваются стилистические различия в социально-когнитивных процессах, используемых индивидами для конструирования, поддержания и/или реконструкции своего чувства идентичности. Модель постулирует, что четыре статуса идентичности Дж. Марсии [31] отражают три различных стиля ведения переговоров о кризисах идентичности: прокрастинирующий, диффузно избегающий стиль; открытый, информационный стиль; конформный, нормативный стиль.

Уточняя теорию стилей идентичности, К.Люикс (K. Luycx), Л. Гуссенс (L. Goossens), Д. Сёненс (D. Soenens) и В. Бейерс (W. Beyers) [30], выделяют четыре процесса становле-

ния идентичности, взаимосвязанные между собой: глубокий поиск, поиск «вширь», принятие обязательств и идентификация с обязательствами. Поиск «вширь» понимается как сбор информации, как внутри личности, так и вне ее о различных альтернативах идентичности. Принятие обязательств — это принятие твердых решений в различных областях идентичности, возможно, в результате такого поиска «вширь». Глубокий поиск включает внутренние личностные механизмы, такой сбор информации или такое обсуждение (в том числе с другими людьми) текущих обязательств (т. е. обязательств, которые человек уже принял), которое позволяет их оценить [30]. Он связан с целеполаганием [10; 39]. За ним следует отождествление с обязательством, т.е. ощущение безопасности и уверенности, испытываемые в отношении существующих обязательств и того, насколько хорошо эти обязательства соответствуют личным стандартам и желаниям человека [33; 38].

Значимость наличия и понимания своих целей для идентификации с обязательствами акцентируется в теории идентичности [40], которая полагает необходимость согласования субъектом принятых на себя обязательств с собственными потенциальными возможностями [27; 28] (так же как автономия в теориях самоопределения); и в таком случае принятие обязательств может представлять собой путь к самопознанию [36; 37].

Поиск вширь и глубокий поиск имеют некоторые общие характеристики: обе тенденции ориентированы на поиск информации и обе имеют свойства открытости по отношению к миру [29]. Однако они различаются по своим целям (выбор из различных альтернатив — оценка конкретных текущих обязательств) и стратегиям (ориентация на внешний мир — ориентация на внутренние переживания [29]).

В свою очередь, процессы принятия обязательств и процессы идентификации с обязательствами также имеют существенные различия, связанные с необходимостью принятия решительного выбора личности, который, в свою очередь, порождает чувства и представления о безопасности и определенности. Идентификация с обязательством в значительной степени связана с различными показателями психосоциальной адаптации, в то время как принятие обязательств не связано с адаптацией личности [33]. Однако эти процессы взаимосвязаны во времени: рост (или снижение) принятия обязательств положительно связан с ростом (или снижением) идентификации с обязательствами [30].

Специфика формирования родительской идентичностью связана с особенностями социальных условий поиска и принятия обязательств мужчинами. В терапевтической практике и в исследовательском опыте проблема отцовства известна своей сложностью именно потому, что социальные стереотипы предоставляют очень мало возможностей для поиска «вширь» и практически не оставляют пространства для поиска «вглубь». Основной массив информации в сфере отцовства, окружающей мужчину, да и женщину в современном мире, касается необходимости принятия на себя необходимых обязательств, предъявления определенных, часто нечетких и противоречивых требований к мужчине-отцу, поиска возможностей избегания ответственности, либо возможностей вынести тяготы ответственности.

Так, Дж. Котэ (J. Côté) полагает, что более продолжительный период перехода к взрослости удлинняет период моратория идентичности, что проявляется в неспособности сделать выбор и принять обязательства; таковой является склонность к предпочтению гражданского брака, как склонность к откладыванию важного решения [19]. Широко известный «эффект Мэтью», проявляющийся в том, что индивид, обладающий сниженными ресурсами при входе в кризис идентичности, дольше в нем пребывает, описывает сложно-

сти поиска родительской идентичности. Такого рода эффект чаще встречается у мужчин, чем у женщин (поскольку, как представляется, мужчины владеют меньшим количеством информации в специфической области, традиционно считающейся прерогативой женщин [11]), еще более он выражен у мужчин, выросших без отца (и опять же имеющих меньше информации для осуществления собственного поиска). В результате мужчины часто остаются в статусе моратория до момента наступления беременности у партнерши, т.е. до наступления ситуации, которая ставит человека перед выбором. Нахождение в данной ситуации часто приводит индивида к принятию обязательств без поиска информации или оснований (как внутренних, так и внешних) для осуществления выбора, т.е. к формированию предопределенной идентичности. При этом принятие обязательств не сопровождается идентификацией с ними, что не может не сказаться на субъективном благополучии и психологическом здоровье всех участников данной ситуации (самого отца, супруги, ребенка). Результатом может стать как нестабильность взаимоотношений в семье, так и нестабильность семьи в целом [16; 21]. При диффузной идентичности индивиды практически не занимаются систематическим исследованием своей идентичности, тогда, учитывая социальные стереотипы, решение об оставлении ребенка без отцовской поддержки в настоящий момент не воспринимается как нечто невозможное, но в перспективе жизненного пути определяет специфическую его траекторию, привязанную к проблеме поиска родительской идентичности в более позднем возврате [25; 26]. В любом случае родительство, независимо от пола родителя, ставит вопрос о поиске себя и принятии обязательств, которые выходят за рамки текущего момента времени, за пределы личностных границ. Данный процесс выводит человека за пределы себя настоящего и определяет специфическую значимость дальнейших выборов и формирования идентичности в контексте жизненного пути личности.

Метод

Материалы и методы. Цель данной работы состояла в исследовании специфики процессов становления родительской идентичности мужчин и женщин. Основная гипотеза исследования заключается в предположении о существовании различий в содержательных характеристиках и процессах становления родительской идентичности у мужчин и женщин, связанных с различием отцовских и материнских функций родительства.

Диагностические методики. Для сбора данных использовались личностные опросники. Изучение типа идентичности.

1. *Опросник родительской идентичности Дж. Плека (Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (ОРИ) [3; 32].*

2. *Тест статусов и структуры эго-идентичности. Е.Л. Солдатовой (СЭИ-тест) [13; 14].* Изучение процессуального аспекта идентичности.

3. *Шкала измерения формирования идентичности (DIDS) [2].*

4. *Шкала определения стадии идентичности (ISRI) [1; 18].*

5. *Шкала определения стадии родительской идентичности [3]* — представляет собой модификацию предыдущей методики (ISRI) для целей исследования родительской идентичности.

6. *Утрехтская шкала исследования процессов становления идентичности — Родительская идентичность (U-MICS-PI) (модификация К. Пиотровски [35]).*

7. В качестве вспомогательной методики использовался *тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева* для изучения осмысленности выбора, в том числе осмыс-

ленности принятия обязательств идентичности, что является одной из важнейших характеристик достигнутой идентичности [9].

Методы анализа данных. Были проведены: расчет описательных статистик; сравнение выборочных средних для независимых выборок по t-критерию Стьюдента, дисперсионный анализ; факторный анализ для изучения различия в содержательных характеристиках и процессах становления родительской идентичности. Для обработки данных использовалась программа STATISTICA 10.

Выборка. В исследовании приняли участие 721 человек, из них 401 мужчина и 320 женщин. Средний возраст испытуемых составил 35,49 года (мужчин — 34,09; женщин — 36,72). Все испытуемые — жители России. Все испытуемые состоят в браке, имеют одного ребенка (37% мужчин, 39% женщин), двух детей (59% мужчин, 58% женщин), трех и более детей (4% мужчин и 3% женщин). Среди испытуемых мужчин 96% имеют постоянную работу, 1% не работают, 3% — пенсионеры. Среди женщин 85% имеют постоянную работу, 11% не работают, 4% — пенсионеры. Участие в исследовании осуществлялось на основе добровольного мотивированного согласия испытуемых.

Результаты

Анализ уровневых характеристик выборки, состоявшей из 721 человека в возрасте ранней и средней взрослости, показал, что наибольшей дисперсией характеризуются данные, полученные по шкале «Осмысленность жизни» (СЖО), а также по шкале методики ISRI-PI «Чувство родительской идентичности»; по шкалам U-MICS-PI «Принятие обязательств» и «Глубокий поиск»; по шкалам методики DIDS «Принятие обязательств», «Поиск вширь», «Идентификация с обязательствами», «Глубокий поиск»; шкале «Локус контроля — жизнь» методики СЖО. Кроме того, высокой дисперсией отличаются показатели по шкалам «Цели в жизни», «Процесс жизни» и «Результативность жизни» (СЖО), и показатели выраженности тенденции к навязчивому поиску информации. Наименьшей дисперсией характеризуются показатели выраженности воспитательно-ухаживающей родительской идентичности (т. е. данный параметр сходно оценивают испытуемые обоих полов).

Сравнение показателей испытуемых групп отцов и матерей по критерию Фишера показало, что дисперсии этих показателей в обеих группах различаются незначимо. Все исследуемые нами параметры подчиняются нормальному закону распределения (по критерию Колмогорова—Смирнова), кроме данных по шкалам предрешенной и диффузной идентичности по методике Е.Л. Солдатовой (СЭИ-тест). Таким образом, для выявления различий были использованы t-критерий Стьюдента для параметрических данных (результаты представлены в табл.1) и U-критерий Манна—Уитни для непараметрических данных по одной методике (проверка по данному критерию значимых различий не выявила).

Сравнение показателей групп отцов и матерей по t-критерию Стьюдента (табл. 1) выявило значимые различия по целому ряду параметров. При этом у женщин выше значения показателей удовлетворенности отношениями с ребенком, количеством детей, показателей выраженности воспитательно-ухаживающей родительской идентичности, глубокого поиска (U-MICS-PI), чувства состоятельности как родителя (ISRI-PI), важности родительства в пространстве жизни (ISRI-PI), в то время как у мужчин выше показатели выраженности провайдерской родительской идентичности и отцовских установок.

Таблица 1

Результаты сравнения групп отцов и матерей по t-критерию Стьюдента*

Параметры	Среднее, женщины	Среднее, мужчины	t-значение	p	Ст. отклонение, женщины	Ст. отклонение, мужчины
Удовлетворенность отношениями с ребенком	3,71	3,45	2,11	0,04	0,60	0,85
Воспитательно-ухаживающая РИ	3,47	3,28	3,14	0,00	0,30	0,37
Провайдерская РИ	2,78	3,94	3,17	0,00	0,58	0,40
Глубокий поиск (U-MICS-PI)	17,89	15,00	1,79	0,00	4,78	4,99
Чувство состоятельности как родителя (ISRI-PI)	3,61	2,98	2,17	0,00	0,62	1,17
Важность родительства в пространстве жизни (ISRI-PI)	3,71	3,32	2,09	0,01	0,43	0,88
Отцовские установки (ШОУ)	23,01	25,12	4,15	0,00	2,76	2,73

Примечание. «*» — представлены только значимые различия.

Далее был предпринят дисперсионный анализ, который показал, что отцы выше оценивают свою удовлетворенность браком, но ниже оценивают удовлетворенность отношениями с детьми (рис. 1). Воспитательно-ухаживающая родительская идентичность у них выражена ниже, а провайдерская — значительно выше, чем у матерей (рис. 2).

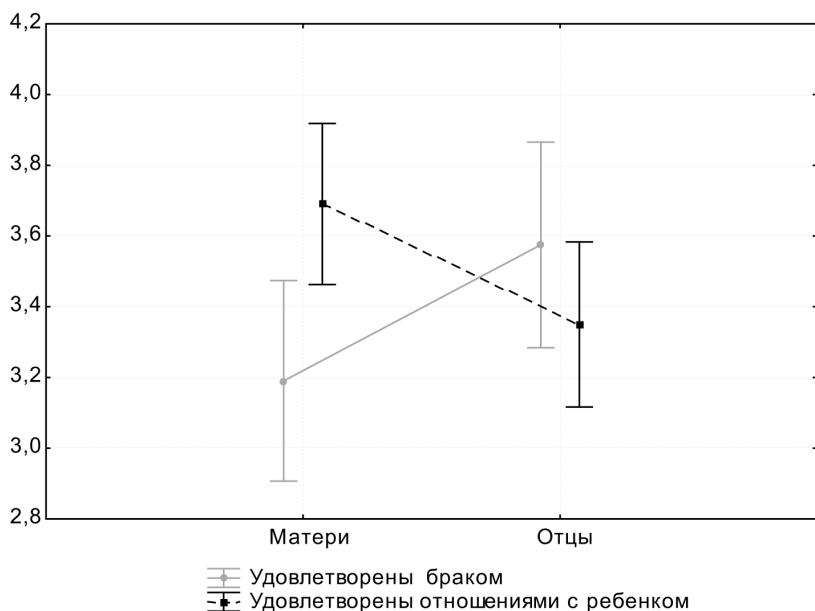

Рис. 1. Различия в удовлетворенности браком и удовлетворенности отношениями с детьми в женской и мужской выборках

Заслуживающими внимания являются результаты, указывающие на более низкие показатели уровня принятия обязательств относительно родительства и глубокого поиска в мужской группе по сравнению с женской. Показатели пересмотра обязательств в отноше-

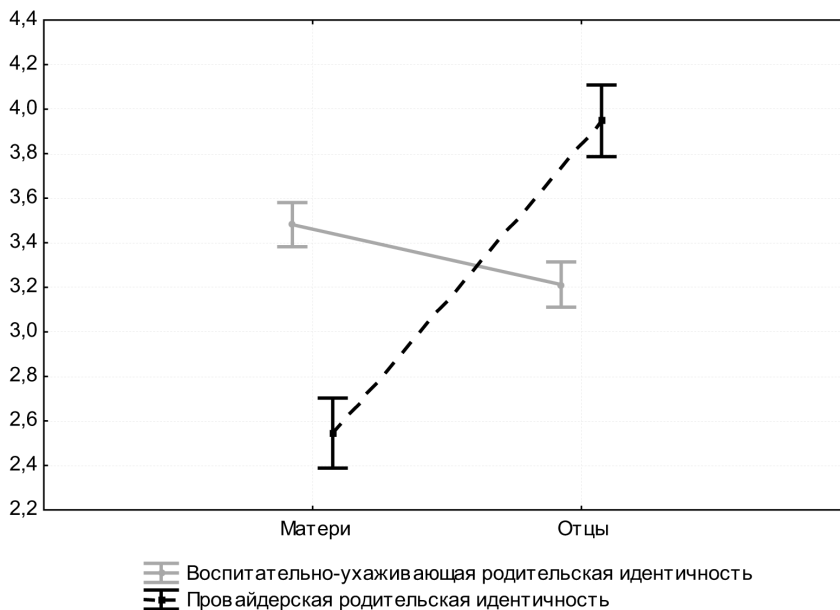

Рис. 2. Различия в родительской идентичности в женской и мужской выборках

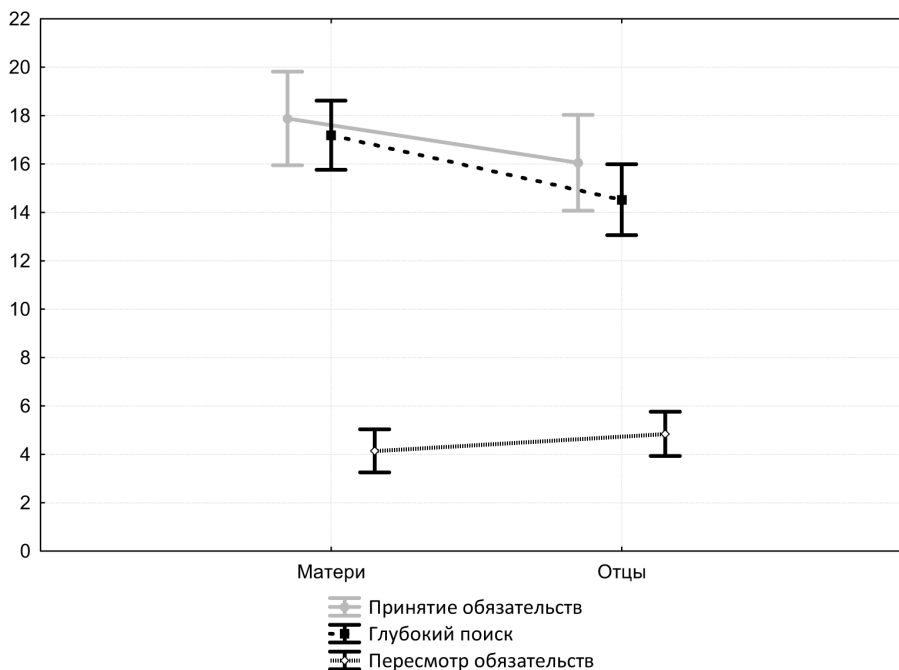

Рис. 3. Различия в процессах становления родительской идентичности по методике U-MICS-PI в женской и мужской выборках

нии семьи наименее выражены по выборке в целом, но у мужчин показатели выраженности данной установки являются более высокими (рис. 3).

Мужчины выше оценивают свое чувство зрелости и место в жизни и ниже, чем женщины, оценивают собственную удовлетворенность кругом общения (рис. 4).

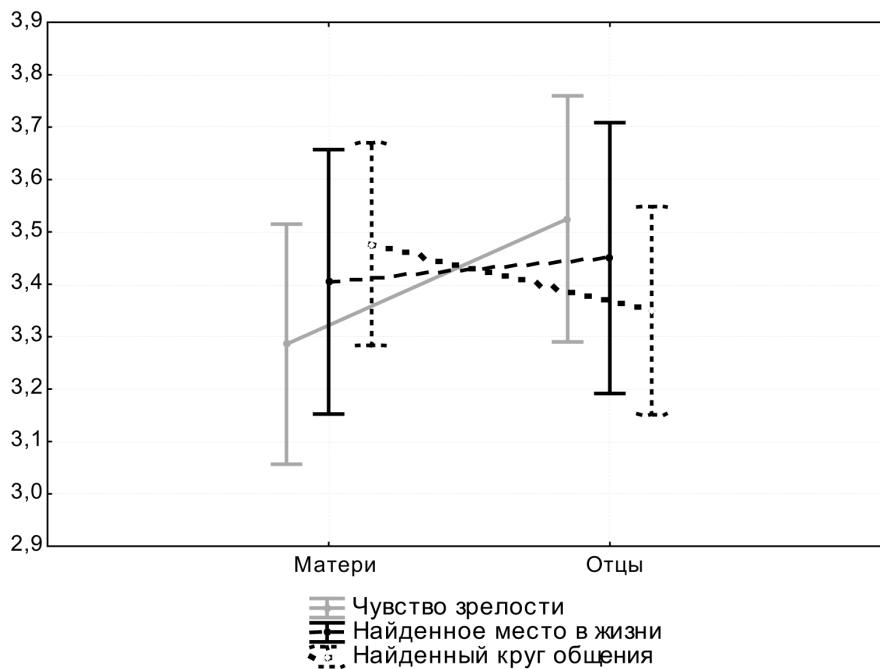

Рис. 4. Различия в идентичности (ISRI) в женской и мужской выборках

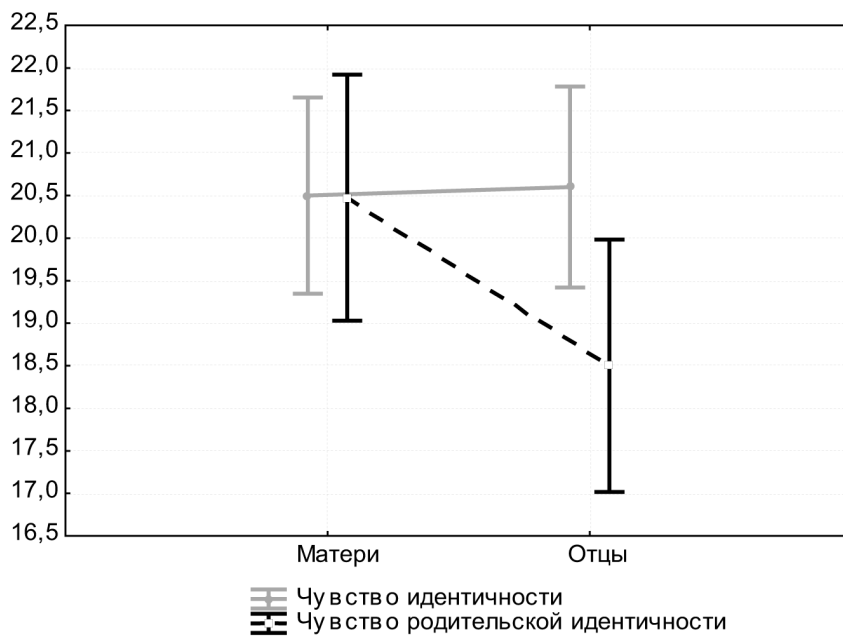

Рис. 5. Различия в чувстве идентичности (ISRI) и родительской идентичности (ISRI-PI) в женской и мужской выборках

Также необходимо обратить внимание на тот факт, что мужчины несколько выше оценивают чувство собственной идентичности, но намного ниже оценивают свое чувство родительской идентичности по сравнению с женщинами (рис. 5).

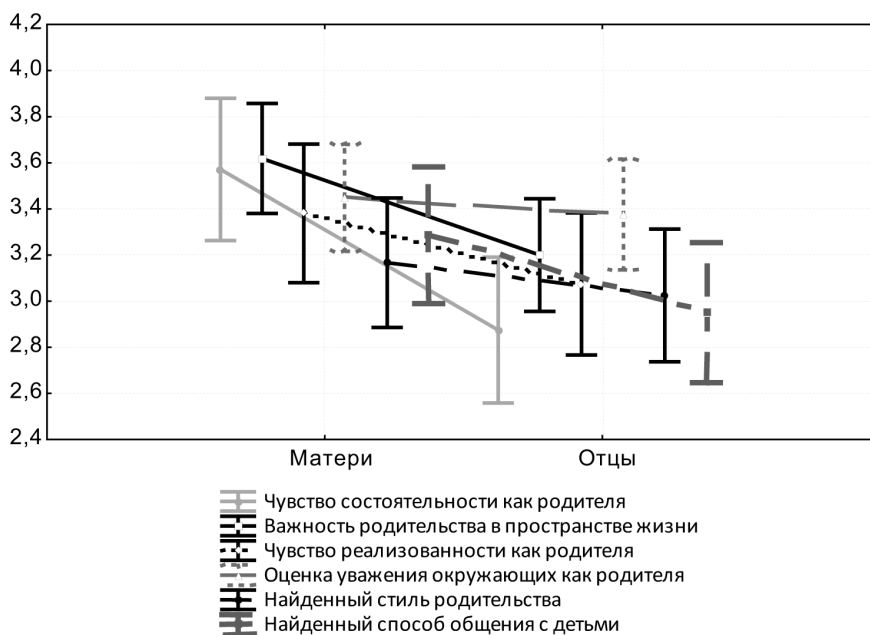

Рис. 6. Различия в показателях по шкалам родительской идентичности (ISRI-PI) в женской и мужской выборках

При этом для отцов характерны более низкие оценки по всем шкалам родительской идентичности (методика ISRI-PI): выраженности чувства состоятельности как родителя, важности родительства в пространстве жизни, чувства реализованности как родителя, оценки уважения как родителя со стороны окружающих, найденного стиля родительства, найденного способа общения с детьми (рис. 6).

Если показатели уровня принятия родительских обязательств у мужчин и женщин различаются незначительно, то идентификация с обязательствами более выражена у отцов (рис. 7).

Для отцов характерны более высокие оценки параметров процессов поиска, как поиска вширь, так и глубокого поиска, но менее характерен навязчивый поиск (рис. 8).

Результаты анализа показателей по шкалам методики СЖО указывают на более высокие оценки целей в жизни и одновременно на более низкие оценки процесса жизни и контроля над ней у отцов, чем у матерей (рис. 9).

Факторный анализ методом главных компонент показателей женской выборки с вращением осей Varimax normalized позволил выделить только два фактора. Первый фактор «Чувство родительской идентичности» отличается большей нагруженностью (общая дисперсия – 12,7 при доле дисперсии – 0,33), биполярностью и включает параметры, представленные в табл. 2. На одном полюсе данного фактора находятся показатели достигнутой идентичности, а на противоположном – показатели навязчивого поиска и выраженности контроля над жизнью. Такого рода данные можно объяснить наличием существенных из-

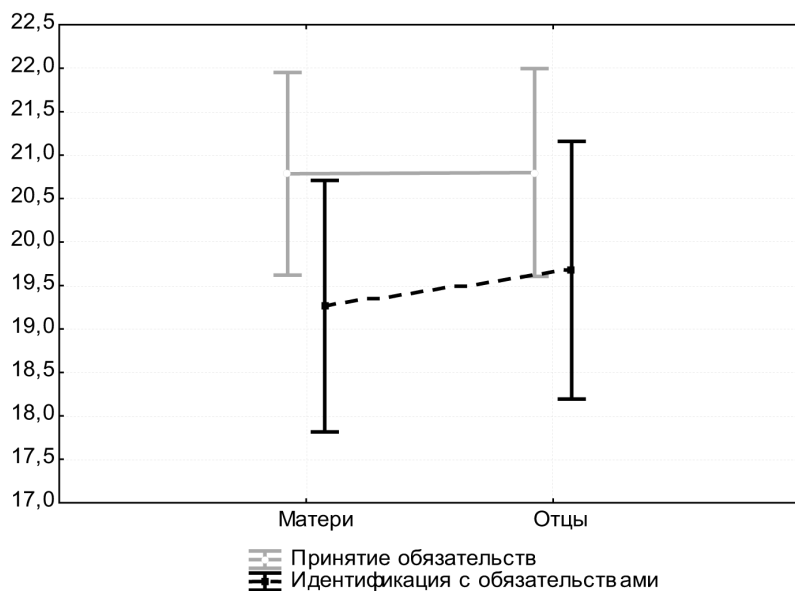

Рис. 7. Различия показателей по шкалам обязательств (DIDS) в женской и мужской выборках

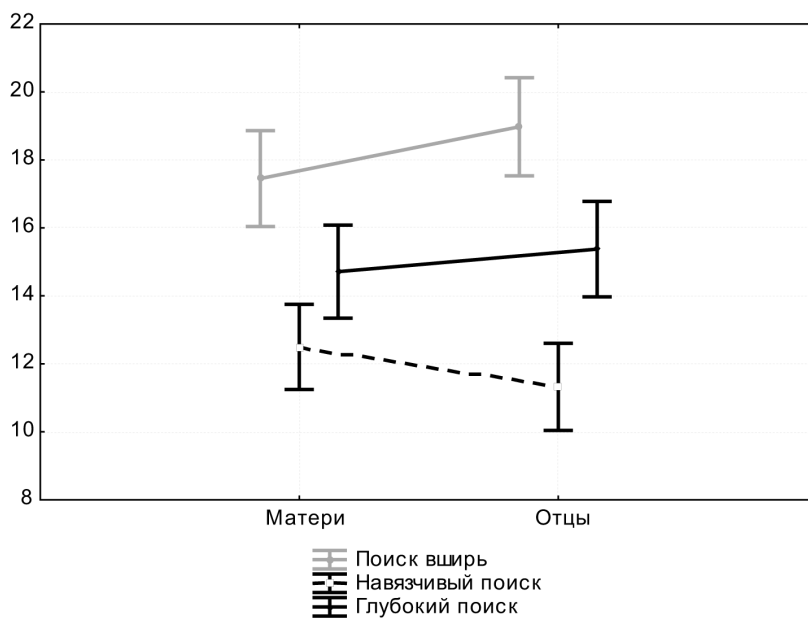

Рис. 8. Различия по шкалам поиска (DIDS) в женской и мужской выборках

менений в жизни матери при появлении ребенка и меньшей возможностью контроля над жизненными обстоятельствами, большей зависимостью от ребенка.

Результаты анализа второго фактора «Осмысленность жизни» (представленные в табл. 3) свидетельствуют о его биполярности: на одном полюсе находятся такие параметры, как осмысленность жизни и все шкалы СЖО, удовлетворенность отношениями с ребенком, найденный способ и стиль общения с детьми и отношения с собственным отцом, а на

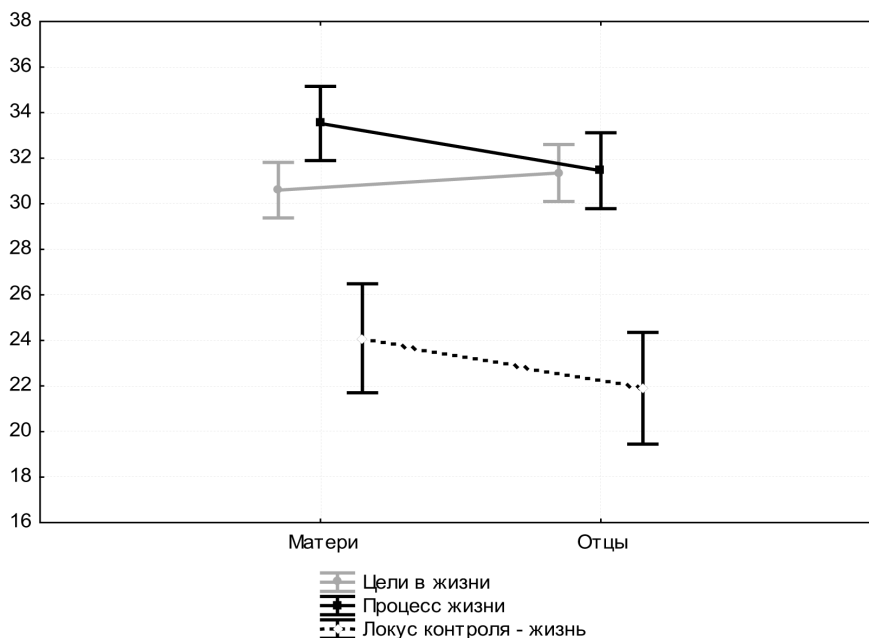

Рис. 9. Различия шкал СЖО в женской и мужской выборках

противоположном — параметры поиска информации и принятие родительских/семейных обязательств без поиска.

Таблица 2

Фактор «Чувство родительской идентичности» в женской выборке

Фактор 1	Чувство родительской идентичности
Чувство идентичности (ISRI)	0,91
Чувство родительской идентичности (ISRI-PI)	0,91
Чувство зрелости (ISRI)	0,87
Найденный способ общения с детьми (ISRI-PI)	0,81
Чувство реализованности как родителя (ISRI-PI)	0,78
Оценка уважения окружающих как родителя (ISRI-PI)	0,77
Найденный стиль жизни (ISRI)	0,77
Чувство состоятельности как родителя (ISRI-PI)	0,76
Найденное место в жизни (ISRI)	0,75
Найденный стиль родительства (ISRI-PI)	0,75
Оценка уважения окружающих (ISRI)	0,67
Найденный круг общения (ISRI)	0,66
Идентификация с обязательствами (DIDS)	0,49
Принятие обязательств (DIDS)	0,47
Навязчивый поиск (DIDS)	-0,40
Локус контроля — жизнь (СЖО)	-0,49
Общая дисперсия	12,76
Доля дисперсии	0,33

Таблица 3

Фактор «Осмысленность жизни» в женской выборке

Фактор 2	Осмысленность жизни
Осмысленность жизни (СЖО)	0,81
Результативность жизни (СЖО)	0,74
Локус контроля – Я (СЖО)	0,73
Цели в жизни (СЖО)	0,68
Процесс жизни (СЖО)	0,62
Локус контроля – жизнь (СЖО)	0,56
Удовлетворенность отношениями с ребенком	0,41
Отношения с отцом	0,38
Найденный способ общения с детьми (ISRI-PI)	0,44
Найденный стиль родительства (ISRI-PI)	0,36
Идентификация с обязательствами (DIDS)	-0,34
Глубокий поиск (DIDS)	-0,44
Навязчивый поиск (DIDS)	-0,59
Принятие обязательств (U-MICS-PI)	-0,68
Глубокий поиск (U-MICS-PI)	-0,65
Общая дисперсия	9,01
Доля дисперсии	0,24

Факторный анализ показателей мужской выборки, также проведенный методом главных компонент с вращением осей Varimax normalized, позволил выделить четыре значимых фактора. При этом один фактор имеет наибольшую долю дисперсии – 0,3, остальные более равномерно нагружены; результаты представлены в табл. 4–7.

Таблица 4

Фактор «Чувство родительской идентичности» в мужской выборке

Фактор 1	Чувство родительской идентичности
Чувство состоятельности как родителя (ISRI-PI)	0,94
Чувство родительской идентичности (ISRI-PI)	0,94
Чувство реализованности как родителя (ISRI-PI)	0,92
Найденный способ общения с детьми (ISRI-PI)	0,86
Оценка уважения окружающих как родителя (ISRI-PI)	0,85
Оценка уважения окружающих (ISRI)	0,77
Удовлетворенность отношениями с ребенком	0,80
Чувство идентичности (ISRI)	0,81
Найденный стиль родительства (ISRI-PI)	0,83
Важность родительства в пространстве жизни (ISRI-PI)	0,76
Найденное место в жизни (ISRI)	0,76
Найденный стиль жизни (ISRI)	0,72
Чувство взрослости (ISRI)	0,69
Поиск вширь (DIDS)	0,64
Идентификация с обязательствами (DIDS)	0,63
Воспитательно-ухаживающая родительская идентичность	0,54

Фактор 1	Чувство родительской идентичности
Провайдерская родительская идентичность	0,52
Чувство зрелости (ISRI)	0,39
Принятие обязательств (DIDS)	0,39
Отношения с матерью	0,34
Отцовские установки (ШОУ)	0,34
Найденный круг общения (ISRI)	0,34
Цели в жизни (СЖО)	0,41
Пересмотр обязательств (U-MICS-PI)	-0,68
Общая дисперсия	12,88
Доля дисперсии	0,34

Так, первый фактор, самый нагруженный (общая дисперсия 12,88 при доле дисперсии 0,34), включает в себя параметры, описывающие чувство идентичности личности и чувство родительской идентичности личности и ее типы, параметры поиска и целей в жизни, удовлетворенности отношениями с ребенком и найденным стилем родительства, стилем и местом в жизни, а также важностью родительства в пространстве жизни на одном полюсе и пересмотр обязательств на противоположном (табл. 4).

Таблица 5

Фактор «Осмысленность жизни» в мужской выборке

Фактор 2	Осмысленность жизни
Осмысленность жизни (СЖО)	0,91
Цели в жизни (СЖО)	0,85
Процесс жизни (СЖО)	0,85
Локус контроля – жизнь (СЖО)	0,85
Локус контроля – Я (СЖО)	0,83
Отношения с матерью	0,64
Результативность жизни (СЖО)	0,60
Воспитательно-ухаживающая родительская идентичность	0,55
Найденное место в жизни (ISRI)	0,50
Найденный стиль жизни (ISRI)	0,45
Возраст ребенка	0,36
Количество детей	0,36
Пересмотр обязательств (U-MICS-PI)	-0,31
Отцовские установки (ШОУ)	-0,32
Глубокий поиск (U-MICS-PI)	-0,43
Принятие обязательств (U-MICS-PI)	-0,43
Удовлетворенность браком	-0,52
Общая дисперсия	7,55
Доля дисперсии	0,18

Второй фактор «Осмысленность жизни» имеет долю дисперсии ниже, чем первый (0,18), и включает в себя меньше значимо весомых параметров. Данный фактор также биполярен: на положительном полюсе объединяет все параметры шкалы СЖО, воспитательно-

ухаживающую родительскую идентичность, найденное место и стиль жизни, количество и возраст детей. При этом на противоположном полюсе находятся параметры обязательств без поиска, пересмотр обязательств, отцовские установки и удовлетворенность браком. Возможно, такая дихотомия связана с тем, что у мужчин появляется больше требований к браку и к собственному отцовству при большей осмысленности жизни (табл. 5).

Третий фактор нагружен лишь немногим меньше второго. Учитывая, что у женщин этот фактор не выделяется, можно заключить, что возрастные трансформации родительства более важны для мужчин, чем для женщин. Такого рода тенденция связана не только современной перспективой, меняющейся с возрастом самого индивида и возрастом его ребенка, но и с местом родительства в пространстве его жизни. Принимая во внимание, что провайдерская позиция более важна для отца, возможно именно снижение нагрузки на обеспечение ребенка позволяет по-другому увидеть отношения с ребенком. И эти параметры взаимосвязаны с удовлетворенностью браком и чувством идентичности. Кроме того, важность отношений с собственным отцом снижается — тенденция, вероятно, связанная с тем, что именно ролевые характеристики мужчины (провайдер) передаются отцом и играют важную роль в становлении семейной и родительской идентичности на начальном этапе, а личностное взаимодействие с ребенком в более взрослом возрасте осуществляется индивидуально с накоплением индивидом собственного родительского опыта (табл. 6).

Таблица 6

Фактор «Возрастные трансформации родительства» в мужской выборке

Фактор 3	Возрастные трансформации родительства
Возраст	0,89
Возраст ребенка	0,88
Найденный круг общения (ISRI)	0,61
Чувство зрелости (ISRI)	0,64
Количество детей	0,64
Результативность жизни (СЖО)	0,59
Пересмотр обязательств (U-MICS-PI)	0,450
Удовлетворенность браком	0,43
Чувство идентичности (ISRI)	0,37
Глубокий поиск (U-MICS-PI)	-0,34
Важность родительства в пространстве жизни (ISRI-PI)	-0,39
Отношения с отцом	-0,39
Желание детей в будущем	-0,79
Общая дисперсия	5,67
Доля дисперсии	0,14

Четвертый фактор (табл. 7), также не представленный у женщин, — фактор поиска и обязательств в отцовстве. На одном полюсе он объединяет параметры поиска, отцовских установок, а на противоположном — пересмотр обязательств и чувство зрелости. Является любопытным тот факт, что пересмотр обязательств противоположен другим процессам поиска, что соответствует данным К. Пиотровски (K. Piotrowski) [35].

Таблица 7

Фактор «Поиск и обязательства в отцовстве» в мужской выборке

Фактор 4	Поиск и обязательства в отцовстве
Глубокий поиск (DIDS)	0,81
Отцовские установки (ШОУ)	0,74
Поиск вширь (DIDS)	0,64
Навязчивый поиск (DIDS)	0,65
Идентификация с обязательствами (DIDS)	0,64
Глубокий поиск (U-MICS-PI)	0,39
Результативность жизни (СЖО)	0,38
Найденный стиль родительства (ISRI-PI)	0,35
Оценка уважения окружающих как родителя (ISRI-PI)	0,32
Чувство идентичности (ISRI)	-0,31
Пересмотр обязательств (U-MICS-PI)	-0,35
Чувство взрослости (ISRI)	-0,51
Общая дисперсия	4,74
Доля дисперсии	0,12

Заключение

Итак, существует определенная гендерная специфика родительской идентичности: отцы выше оценивают: а) удовлетворенность браком, такие параметры идентичности, как чувство идентичности, провайдерская идентичность и чувство зрелости, найденное место в жизни; б) такие параметры принятия обязательств, как пересмотр обязательств и идентификация с обязательствами; в) такие параметры процессов поиска, как поиск вширь и глубокий поиск; кроме того, у представителей мужской выборки выше показатели оценки целей в жизни. Полученные в настоящем исследовании результаты согласуются с результатами исследований К. Пиотровски [35].

При этом представители мужской выборки характеризуются более низкими показателями уровня удовлетворенности отношениями с детьми, уровня выраженности идентичности, а именно: воспитательно-ухаживающей родительской идентичности, чувства родительской идентичности, чувства состоятельности как родителя, важности родительства в пространстве жизни, чувства реализованности как родителя, оценки уважения по отношению к субъекту как к родителю со стороны окружающих, уровня уверенности в верности найденного стиля родительства, найденного способа общения с детьми и уровня удовлетворенности кругом их общения. Для представителей мужской выборки не являются важными такие параметры процессов становления идентичности, как принятие обязательств и навязчивый поиск, контроль над жизнью и общая осмысленность жизни.

Для женщин в структуре родительской идентичности наиболее важными являются: чувство родительской идентичности и осмысленность жизни. В случае мужчин таковыми являются: чувство родительской идентичности, осмысленность жизни, а также возрастные трансформации родительства и поиск и обязательства в отцовстве.

Возрастные трансформации родительства обнаруживают большую степень важности для мужчин, чем для женщин. Такого рода закономерность определяется не только временной перспективой, меняющейся с возрастом индивида и возрастом ребенка, но и местом ро-

дительства в пространстве его жизни. Принимая во внимание, что провайдерская позиция более важна для отца, можно заключить, что именно снижение нагрузки на обеспечение ребенка позволяет по-другому увидеть отношения с ребенком; данные выводы согласуются с результатами исследований Дж. Плека [32]. И эти же параметры взаимосвязаны с удовлетворенностью браком и чувством идентичности. Кроме того, в структуре родительской идентичности мужчин существенное место занимают поиск и принятие обязательств в родительстве.

Таким образом, процессы становления родительской идентичности имеют гендерную специфику, о чем свидетельствуют также данные других исследований [20; 22], а реализация родительской идентичности во взрослости взаимосвязана с протеканием процессов поиска и принятия обязательств [30; 34], с личностной зрелостью, уровнем саморегуляции и рефлексии.

Несмотря на то, что исследование родительской идентичности находится только на этапе становления, уже сейчас выделяются некоторые тенденции ее изучения: выделение родительской идентичности в отдельную сферу исследования идентичности, понимание того, что, хотя изучение родительства и имеет многочисленные прикладные аспекты в науке и практике, внутренние условия становления родительской идентичности представляют собой значительный интерес, так как определяют все внешние практики родительства, также как и самочувствие, психологическое здоровье и субъективное переживание благополучия личности. В этом контексте особенно интересными представляются специфические различия родительской идентичности у мужчин и женщин. Это та пограничная область между полностью субъективным внутренним миром человека, его экзистенциально-смысловыми ориентирами, временными перспективами жизни, определяющими и/или определяемыми его переживанием собственного тела, и внешними по отношению к нему социальными влияниями, которая находится на этапе накопления эмпирических данных.

В качестве ограничения данного исследования можно называть следующее. Во-первых, результаты этого исследования основываются на самоотчетах испытуемых, что приводит к известным ограничениям в интерпретации и экстраполяции результатов. Во-вторых, изучение в этом исследовании результатов небольшой выборки ограничивает обобщаемость результатов. В-третьих, выделенные факторы для выборки женщин охватывают только 57% дисперсии, что может указывать на дополнительные, неучтенные нами параметры родительской идентичности женщин и требует дальнейшего изучения. В-четвертых, нами не были изучены особенности родительской идентичности лиц, не состоящих в браке, имеющих детей с ОВЗ, имеющих приемных детей. В дальнейшем исследование родительской идентичности должно осуществляться в направлении детального изучения специфики родительской идентичности и процессов ее становления в различных группах, как мужчин, так и женщин.

Выводы

1. Существует гендерная специфика родительской идентичности. Для мужчин в структуре родительской идентичности наиболее важными являются: чувство родительской идентичности, осмысленность жизни, а также возрастные трансформации родительства и поиск и обязательства в отцовстве. Для женщин — чувство родительской идентичности и осмысленность жизни.

2. У мужчин более выражены провайдерская идентичность, параметры процесса принятия обязательств, поиск вширь и глубокий поиск, оценка целей в жизни.

3. У женщин более выражены удовлетворенность отношениями с детьми, воспитательно-ухаживающая родительская идентичность, чувство родительской идентичности,

чувство состоятельности как родителя, важность родительства в пространстве жизни, чувство реализованности как родителя, найденный стиль родительства, найденный способ общения с детьми; принятие обязательств и навязчивый поиск, общая осмысленность жизни.

4. Процессы становления родительской идентичности во взрослости взаимосвязаны с протеканием процессов поиска и принятия обязательств, с личностной зрелостью, уровнем саморегуляции и рефлексии.

Литература

1. *Борисенко Ю.В.* Адаптация методики Identity Stage Resolution Index (ISRI) на русский язык // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Том 22. № 3. С. 735–743. DOI:10.21603/2078-8975-2020-22-3-735-743
2. *Борисенко Ю.В.* Апробация и адаптация методики исследования процессов идентичности “Dimensions of Identity Development Scale (DIDS)” // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2020. № 3(42). С. 33–41.
3. *Борисенко Ю.В.* Становление психологической готовности к отцовству: психолого-педагогический контекст и технологии сопровождения: монография. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2020. 552 с.
4. *Васягина Н.Н.* Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 2013. 348 с.
5. *Вострикова О.В.* Существование identity/идентичность: этносемиотрический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2-2(80). С. 299–304.
6. *Дианова Г.А., Харьковская О.А.* Кризис идентичности современной молодежи // Инновационная наука. 2020. № 8. С. 74–76.
7. *Захарова Е.И.* Освоение родительской позиции как траектория возрастнo-психологического развития в зрелом возрасте // Педагогическое образование в России. 2015. № 11. С. 151–156.
8. *Кон И.С.* Мужчина в меняющемся мире М.: Время, 2009. 496 с.
9. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций. М.: Смысл. 1992. 16 с.
10. *Лукьянов О.В.* Проблема становления идентичности в эпоху социальных изменений. Томск: Изд-во Томского государственного университета. 2008. 212 с.
11. *Морозова И.С., Белогой К.Н., Борисенко Ю.В., и др.* Регуляция репродуктивного поведения и репродуктивное здоровье. М.: ЛЕНАНД. 2015. 240 с.
12. *Пеннер Р.В.* Идентичность в эпоху постмодерна: постановка проблемы // Вестник ЧелГУ. 2020. № 5(439). С. 68–74.
13. *Солдатова Е.Л.* Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости. Челябинск: Издательство ЮУрГУ. 2007. 267 с.
14. *Солдатова Е.Л., Шляпникова И.А.* Связь эго-идентичности и личностной зрелости // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2015. Том 8. № 1. С. 29–33.
15. *Флиер А.А.* История культуры как смена доминантных типов идентичности (начало) [Электронный ресурс] // Культура культуры. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-kultury-kak-smena-dominantnyh-tipov-identichnosti-nachalo> (дата обращения: 20.10.2020).
16. *Arnett J.J.* Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties // American Psychologist. 2000. № 55. P. 469–480. DOI:10.1037/0003-066X.55.5.469
17. *Berzonsky M.D., Cieciuch J., Duriez B., et al.* The how and what of identity formation: Associations between identity styles and value orientations // Personality and Individual Differences. 2011. № 50. P. 295–299.
18. *Cote J.E.* Identity Stage Resolution Index (ISRI) An empirical test of the identity capital model. // Journal of Adolescence. 1997. № 20. P. 421–437.
19. *Côté J.E.* The identity capital model: A handbook of theory, methods, and findings. London: Department of Sociology, The University of Western Ontario, 2016. 80 p.
20. *Crocetti E., Rubini M., Meeus W.* Capturing the dynamics of identity formation in various ethnic groups: Development and validation of a three-dimensional model // Journal of Adolescence. 2008. № 31. P. 207–222.
21. *Debast I., Rossi G., Van Alphe, S.P. et al.* Age neutrality of categorically and dimensionally measured DSM-5 section II personality disorder symptoms // Journal of Personality Assessment. 2015. № 97. P. 321–329. DOI:10.1080/00223891.2015.1021814

22. Erikson E.H. Identity, youth and crisis. New York: Norton, 1968.
23. Fadjukoff P., Pulkiminen L., Kokko K. Identity processes in adulthood: Diverging domains // *Identity*. 2005. № 5. P. 1–20.
24. Galanaki E., Leontopoulou S. Criteria for the transition to adulthood, developmental features of emerging adulthood, and views of the future among Greek studying youth // *Europe's Journal of Psychology*. 2017. № 13(3). P. 417–440. DOI:10.5964/ejop.v13i3.1327
25. Henley K., Pasley K. Conditions Affecting the Association between Father Identity and Father Involvement // *Fathering*. 2005. Vol. 3. № 1. P. 59–80.
26. Inguglia C., Inguglia S., Liga F., et al. Autonomy and relatedness in adolescence and emerging adulthood: Relationships with parental support and psychological distress // *Journal of Adult Development*. 2015. № 22. P. 1–13. DOI:10.1007/s10804-014-9196-8
27. Kroger J. Identity in childhood and adolescence // *International Encyclopedia of the Social and Behavior Sciences*. 2015. № 11. P. 537–542. DOI:dx.doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.34015-6
28. Kroger J. Identity development. Adolescence through adulthood. Thousand Oaks, CA: Sage, 2007. 306 p.
29. Luyckx K., Schwartz S.J., Berzonsky M. D., et al. Capturing ruminative exploration: Extending the four-dimensional model of identity formation in late adolescence // *Journal of Research in Personality*. 2008. № 42. P. 58–82.
30. Luyckx K., Goossens L., Soenens B. The personality-identity interplay in emerging adult women: Convergent findings from complementary analyses // *European Journal of Personality*. 2006. № 20. P. 195–215.
31. Marcia J.E. Identity and psychosocial development in adulthood // *Identity: An International Journal of Theory and Research*. 2002. № 2. P. 7–28.
32. Maurer T.W., Pleck J.H., Rane T.R. Parental identity and reflected appraisals: Measurement and gender dynamics // *Journal of Marriage and the Family*. 2001. № 63. P. 309–321.
33. Meeus W. The study of adolescent identity formation 2000–2010: A review of longitudinal research // *Journal of Research on Adolescence*. 2011. № 21. P. 75–94.
34. Peters J.R., Eisenlohr-Moul T.A., Upton B.T., et al. Characteristics of repetitive thought associated with borderline personality features: A multimodal investigation of ruminative content and style // *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. 2017. № 39. P. 456–466. DOI:10.1007/s10862-017-9594-x
35. Piotrowski K. Adaptation of the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS) to the measurement of the parental identity domain // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2018. № 59. P. 157–166. DOI:10.1111/sjop.12416
36. Schwartz S.J., Luyckx K., Vignoles V.L. Handbook of identity theory and research: Structure and processes. New York: Springer, 2011. P. 77–98.
37. Schwartz S., Luyckx K., Crocetti E. What have we learned since Schwartz (2001)? A reappraisal of the field of identity development // McLean K., Syed M. The Oxford handbook of identity development. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 539–561.
38. van Doeselaar L., Becht A. I., Klimstra T. A., et al. A review and integration of three key components of identity development: Distinctiveness, coherence, and continuity // *European Psychologist*. 2018. № 23. P. 278–288.
39. Verschuere M., Luyckx K., Kaufman E. A., et al. Identity processes and statuses in patients with and without eating disorders // *European Eating Disorders Review*. 2017. № 25. P. 26–35.
40. Waterman A.S., Schwartz S.J., Goldbacher E. et al. Predicting the subjective experience of intrinsic motivation: The roles of self-determination, the balance of challenges and skills, and self-realization values // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2003. № 29. P. 1447–1458.

References

1. Borisenko Yu.V. Adaptatsiya metodiki Identity Stage Resolution Index (ISRI) na russkii yazyk [The adaptation of Identity Stage Resolution Index (ISRI) into Russian]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta=Bulletin of Kemerovo state university*, 2020. Vol. 22, no. 3, pp. 735–743. DOI:10.21603/2078-8975-2020-22-3-735-743
2. Borisenko Yu.V. Aprobatsiya i adaptatsiya metodiki issledovaniya protsessov identichnosti “Dimensions of Identity Development Scale (DIDS)” [The approbation and adaptation of “Dimensions of Identity Development Scale (DIDS)”]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya:*

- Pedagogika, psikhologiya*=The vector of science of Tolyatti state university: Series Pedagogy, psychology, 2020. No. 3 (42), pp. 33–41.
3. Borisenko Yu.V. Stanovlenie psikhologicheskoi gotovnosti k ottsovstvu: psikhologo-pedagogicheskii kontekst i tekhnologii soprovozhdeniya: monografiya [The development of psychological readiness to fathering: psychological and pedagogic context and support technologies]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2020. 552 p.
 4. Vasjagina N.N. Subektnoe stanovlenie materi v sovremennom sociokul'turnom prostranstve [The subjective development of the mother in the modern socio-cultural circumstances] Ekaterinburg: Ural state pedagogic university. 2013. 348 p.
 5. Vostrikova O.V. Sushchestvitel'nye identity / identichnost': etnosemiometricheskii aspect [The noun identity in English and Russian: ethnic semantic aspect]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*=Philological science. Issues of theory and practice, 2018. No. 2-2(80), pp. 299–304.
 6. Dianova G.A., Khar'kova O.A. Krizis identichnosti sovremennoi molodezhi [The identity crisis of modern youth]. *Innovatsionnaya nauka*=Innovative science, 2020. No. 8, pp. 74–76.
 7. Zaharova E.I. Osvoenie roditel'skoj pozicii kak traektorija vozrastno-psihologicheskogo razvitiya v zreloom vozraste // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*=The pedagogic education in Russia, 2015. No. 11. pp. 151–156.
 8. Kon I.S. Muzhchina v menyayushchemsya mire [Men in a changing world]. Moscow: Vremya, 2009. 496 p.
 9. Leont'ev D.A. Test smyslozhiznennykh orientatsii [The test of sense and values orientations]. Moscow: Smysl, 1992. 16 p.
 10. Luk'yanov O.V. Problema stanovleniya identichnosti v epokhu sotsial'nykh izmenenii [The issue of identity formation at the age of social changes]. Tomsk: Publ. TGU, 2008. 212 p.
 11. Morozova I.S., Belogai K.N., Borisenko Yu.V., i dr. Regulyatsiya reproduktivnogo povedeniya i reproduktivnoe zdorov'e [Regulation of Reproductive Behavior and Reproductive Health]. Moscow: LENAND, 2015. 240 p.
 12. Penner R.V. Identichnost' v epokhu postmoderna: postanovka problemy [Identity in the age of postmodern: the rise of the issue]. *Vestnik ChelGU*=Bulletin of Chelyabinsk state university, 2020. No. 5(439), pp. 68–74.
 13. Soldatova E.L. Struktura i dinamika normativnogo krizisa perekhoda k vzroslosti [The structure and the dynamics of normative crisis of transition to adulthood]. Chelyabinsk: Publ. YuUrGU, 2007. 267 p.
 14. Soldatova E.L. Shlyapnikova I.A. Svyaz' ego-identichnosti i lichnostnoi zrelosti [Correlation between ego-identity and personal maturity]. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Psikhologiya»*=Bulletin of South Ural state university. "Psychology series", 2015. Vol. 8, no.1, pp. 29–33.
 15. Flier A.Ya. Istoriya kul'tury kak smena dominantnykh tipov identichnosti (nachalo) [The history of culture as a history of changing of dominate types of identity (the beginning)]. *Kul'tura kul'tury*=The culture of culture, 2020. № 3. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-kul'tury-kak-smena-dominantnyh-tipov-identichnosti-nachalo> (Accessed 20.10.2020).
 16. Arnett J.J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties *American Psychologist*, 2000. No. 55, pp. 469–480. DOI:10.1037/0003-066X.55.5.469
 17. Berzonsky M.D., Cieciuch J., Duriez B., et al. The how and what of identity formation: Associations between identity styles and value orientations. *Personality and Individual Differences*, 2011. No. 50, pp. 295–299.
 18. Cote J.E. Identity Stage Resolution Index (ISRI) An empirical test of the identity capital model. *Journal of Adolescence*, 1997. No. 20, pp. 421–437.
 19. Côté J.E. The identity capital model: A handbook of theory, methods, and findings. London: Department of Sociology, The University of Western Ontario, 2016. 80 p.
 20. Crocetti E., Rubini M., Meeus W. Capturing the dynamics of identity formation in various ethnic groups: Development and validation of a three-dimensional model. *Journal of Adolescence*, 2008. No. 31, pp. 207–222.
 21. Debast I., Rossi G., Van Alphen S. P. et al. Age neutrality of categorically and dimensionally measured DSM-5 section II personality disorder symptoms. *Journal of Personality Assessment*, 2015. No. 97, pp. 321–329. DOI:10.1080/00223891.2015.1021814
 22. Erikson E.H. Identity, youth and crisis. New York: Norton. 1968.
 23. Fadjukoff P., Pulkinnen L., Kokko K. Identity processes in adulthood: Diverging domains. *Identity*, 2005. No. 5, pp. 1–20.
 24. Galanaki E., Leontopoulou S. Criteria for the transition to adulthood, developmental features of emerging adulthood, and views of the future among greek studying youth. *Europe's Journal of Psychology*, 2017. No. 13(3), pp. 417–440. DOI:10.5964/ejop.v13i3.1327

25. Henley K., Pasley K. Conditions Affecting the Association between Father Identity and Father Involvement. *Fathering*, 2005. Vol. 3, no. 1, pp. 59–80.
26. Inguglia C., Ingoglia S., Liga F., et al. Autonomy and relatedness in adolescence and emerging adulthood: Relationships with parental support and psychological distress. *Journal of Adult Development*, 2015. No. 22, pp. 1–13. DOI:10.1007/s10804-014-9196-8
27. Kroger J. Identity in childhood and adolescence. *International Encyclopedia of the Social and Behavior Sciences*, 2015. No. 11, pp. 537–542. DOI:dx.doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.34015-6
28. Kroger J. Identity development. Adolescence through adulthood. Thousand Oaks, CA: Sage, 2007. 306 p.
29. Luyckx K., Schwartz S.J., Berzonsky M.D., et al. Capturing ruminative exploration: Extending the four-dimensional model of identity formation in late adolescence. *Journal of Research in Personality*, 2008. No. 42, pp. 58–82.
30. Luyckx K., Goossens L., Soenens B. The personality-identity interplay in emerging adult women: Convergent findings from complementary analyses. *European Journal of Personality*, 2006. No. 20, pp. 195–215.
31. Marcia J.E. Identity and psychosocial development in adulthood. *Identity: An International Journal of Theory and Research*, 2002. No. 2, pp. 7–28.
32. Maurer T.W., Pleck J.H., Rane T.R. Parental identity and reflected appraisals: Measurement and gender dynamics. *Journal of Marriage and the Family*, 2001. No. 63, pp. 309–321.
33. Meeus W. The study of adolescent identity formation 2000–2010: A review of longitudinal research. *Journal of Research on Adolescence*, 2011. No. 21, pp. 75–94.
34. Peters J.R., Eisenlohr-Moul T.A., Upton B.T., et al. Characteristics of repetitive thought associated with borderline personality features: A multimodal investigation of ruminative content and style. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 2017. No. 39, pp. 456–466. DOI:10.1007/s10862-017-9594-x
35. Piotrowski K. Adaptation of the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS) to the measurement of the parental identity domain. *Scandinavian Journal of Psychology*, 2018. No. 59, pp. 157–166. DOI:10.1111/sjop.12416
36. Schwartz S.J., Luyckx K., Vignoles V.L. Handbook of identity theory and research: Structure and processes. New York: Springer, 2011. Pp. 77–98.
37. Schwartz S., Luyckx K., Crocetti E. What have we learned since Schwartz (2001)? A reappraisal of the field of identity development. In K. McLean, & M. Syed (Eds.). *The Oxford handbook of identity development*. Oxford: Oxford University Press, 2015. Pp. 539–561.
38. van Doeselaar L., Becht A.I., Klimstra T.A., et al. A review and integration of three key components of identity development: Distinctiveness, coherence, and continuity. *European Psychologist*, 2018. No. 23, pp. 278–288.
39. Verschueren M., Luyckx K., Kaufman E.A., et al. Identity processes and statuses in patients with and without eating disorders. *European Eating Disorders Review*, 2017. No. 25, pp. 26–35.
40. Waterman A.S., Schwartz S.J., Goldbacher E. et al. Predicting the subjective experience of intrinsic motivation: The roles of self-determination, the balance of challenges and skills, and self-realization values. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2003. No. 29, pp. 1447–1458.

Информация об авторах

Борисенко Юлия Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры акмеологии и психологи развития, Кемеровский государственный университет (ФГБОУ ВО КемГУ), г. Кемерово, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5218-2841>, e-mail: evseenkova@mail.ru

Information about the authors

Julia V. Borisenko, Ph.D., Associate Professor, Department of Acmeology and Developmental Psychology, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5218-2841>, e-mail: evseenkova@mail.ru

Получена 28.07.2020

Принята в печать 30.09.2022

Received 28.07.2020

Accepted 30.09.2022